

Научная статья

УДК 37.0+327+13

DOI: 10.15372/PNE20220105

Модернизация российского образования как следствие интеграционных процессов в евразийском социокультурном пространстве

Абрамова Мария Алексеевна¹

¹Институт философии и права Сибирского отделения Российской академии наук, Новосибирск, Россия, marika24@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6923-3564>

Аннотация. *Введение.* Обращение к проблеме трансформации образования как социального института в России обусловлено, с одной стороны, длительностью происходящих процессов, в том числе под влиянием международных соглашений, с другой – потребностью в сохранении суверенитета и защите национальных интересов. Постоянство институциональных изменений, влекущее аксиологический кризис и установление приоритетности наднациональных задач, актуализирует постановку вопроса о существующих тенденциях в изменениях и роли влияния интеграционных процессов в евразийском социокультурном пространстве на современный процесс трансформации российского образования как социального института. *Методология.* Автор рассматривает процесс трансформации образования на основе ретроспективного анализа, в том числе динамики изменений в Законе «Об образовании РФ», теории баланса сил, акцентируя внимание на применении концепта «мягкой силы». *Обсуждение.* Выделены основные тенденции трансформации образования как социального института, показаны как отрицательные, так и положительные стороны этого процесса в сопоставлении с другими странами. Обосновано смещение институциональных изменений с решения локальных задач на участие в международном поле. *Заключение.* Трансформация образования как социального института в России, осуществляющаяся уже около тридцати лет, обуславливает, с одной стороны, пересмотр старых политических и культурных оснований, с другой – формирование новых. В совокупности противоречивый процесс трансформации образования, несмотря на выявление конфликтов между старым и новым, предполагает нахождение новых оснований для гармонизации и адаптации российского образования к международным интеграционным вызовам. В данном контексте для России является весьма актуальным не только встроиться в эти процессы, но и сохранить свою культурно-историческую специфику. Одним из важнейших моментов, обуславливающих сохранение образованием роли инструмента «мягкой силы», является использование его как основы для диалога между странами, позволяющего снизить уровень конфликтности, сохранить и восполнить человеческий потенциал, а также найти новые основания для взаимодействия.

Ключевые слова: трансформация института образования, евразийское образовательное пространство, Россия, теория баланса сил, концепт «мягкой силы», постсоветское пространство, интеграционные процессы, интернационализация

Для цитирования: Абрамова М. А. Модернизация российского образования как следствие интеграционных процессов в евразийском социокультурном пространстве // Философия образования. 2022. Т. 22, № 1. С. 72–86. DOI: <https://doi.org/10.15372/PHE20220105>

Scientific article

Modernization of Russian education as a consequence of integration processes in the eurasian socio-cultural space

Mariya A. Abramova¹

¹Institute of Philosophy and Law, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia, marika24@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6923-3564>

Abstract. *Introduction.* The appeal to the problem of the education transformation as a social institution in Russia is caused by the duration of the ongoing processes, including under the influence of international agreements on the one hand, and on the other, by the need to preserve sovereignty and protect national interests. The persistence of institutional changes, entailing an axiological crisis and the prioritization of supranational tasks, actualizes the question of existing trends in changes and the role of the modern influence of integration processes in the Eurasian socio-cultural space on the process of transformation of Russian education as a social institution. *Methodology.* The author examines the process of education transformation on the basis of a retrospective analysis, including the dynamics of changes in the Law “On Education” of the Russian Federation, the theory of balance of power, focusing on the application of the concept of “soft power”. *Discussion.* The main trends in the transformation of education as a social institution are highlighted, both negative and positive sides of this process are shown in comparison with other countries. The shift of institutional changes from solving local problems to participation in the international field is justified. *Conclusion.* The transformation of education as a social institution in Russia, which has been underway for about thirty years, determines the revision of old political and cultural foundations on the one hand, and the formation of new ones on the other. In the aggregate, the contradictory process of education transformation, despite the identification of conflicts between the old and the new, suggests finding new grounds for the harmonization and adaptation of Russian education to international integration challenges. In this context, it is very important for Russia to integrate into these processes, but also to preserve its cultural and historical specifics. One of the most important factors that determine the preservation of the role of education as a tool of “soft power” is its use as a basis for dialogue between countries, which allows reducing the level of conflict, preserving and replenishing human potential, as well as finding new grounds for interaction.

Keywords: transformation of the education institute, Eurasian educational space, Russia, power balance theory, the “soft power” concept, post-Soviet space, integration processes, internationalization.

For citation: Abramova M. A. Modernization of Russian education as a consequence of integration processes in the Eurasian socio-cultural space. *Philosophy of Education*, 2022, vol. 22, no. 1, pp. 72–86. DOI: <https://doi.org/10.15372/PHE20220105>

Введение. Традиционно рассматривая этапы трансформации системы образования в России, мы обращаемся к моменту подписания Болонской декларации, при этом забывая о том, что первые изменения начались еще в конце 80-х – начале 90-х гг. XX в. и воплотились в появлении нового Закона об образовании от 10 июля 1992 г. № 3266-1. В результате социальный институт образования, являвшийся при СССР одним из направлений плановой экономики, что обуславливало его приоритетное финансирование, а также отношение к нему как к одному из важнейших компонентов построения общества, трансформировался в «процесс воспитания и обучения в интересах человека, общества, государства, сопровождающийся констатацией достижения гражданином (обучающимся) установленных государством образовательных уровней (образовательных цензов)»¹.

Несмотря на то что организационной основой реализации образования в стране по-прежнему оставалась программа развития, изменения в управлении процессом уже были закреплены в законе. Так, было обозначено, что Федеральные законы «разграничивают компетенцию и ответственность в области образования федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления, ...а также вводят общие установочные нормы по вопросам, которые относятся к компетенции субъектов Российской Федерации и в соответствии с которыми последние осуществляют собственное правовое регулирование в области образования»².

Таким образом, государство под влиянием демократизации, расширения прав национальных регионов и перехода в рыночную экономику постепенно утрачивало свою координирующую функцию в рамках организации образования как социального института, а вместе с этим его роль в обществе также претерпевала серьезные изменения. Вместо достаточно жесткой централизованной системы управления формировалась иная многополярная конструкция, некоторые полюса которой находились за пределами страны.

Подписание Россией Болонской декларации лишь усугубило развивавшиеся тенденции, в результате которых в Законе об образовании 2012 г. появился в Статье 4. «Правовое регулирование отношений в сфере образования» пункт 6: «В случае, если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем те, которые предусмотрены настоящим Федеральным законом, применяются правила международного договора»³. Поскольку двери управления в системе образования были открыты, то и появление новых наднациональных задач, выполняемых этой

¹ Об образовании: Федер. закон от 10 июля 1992 г. № 3266-1 г. Москва [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/1992/07/31/obrazovanie-dok.html> (дата обращения: 07.01.2022).

² Там же.

³ Там же.

сферой, вполне вписывалось в существующую реальность. Таким образом, Россия активно начала процесс унификации национальной системы образования, войдя в интеграционный процесс европейского образовательного пространства, подгоняя себя потребностью соответствия критериям межстрановых рейтингов: создание условий для академической мобильности преподавателей и студентов (U. Teichler [1], H. Wit [2] и др.), межвузовское взаимодействие (А. А. Оганесян [3], Н. Ю. Посталюк [4]), показатели публикационной активности, количество патентов и др. И тем самым все дальше уходила от необходимости сохранения специфики советской системы образования, изучение которой в 50–70-е гг. XX в. оказало серьезное влияние на развитие научного направления сравнительной педагогики [5, р. 465]. Попытки США в 60–70-х гг. XX в. сохранить преимущество перед СССР «через образование» [6] обусловили в то время актуальность изучения советского образования. Трансформировавшаяся система образования в постсоветской России уже не представляла для зарубежных исследователей такого же интереса, в том числе, как и мы полагаем, из-за попытки безапелляционно перенять западные образцы [7, р. 5; 8, р. 23–24], которые были ей чужды и получали новое прочтение в рамках локального развития.

За последние двадцать лет процесс модернизации российского образования практически не останавливался. В этой связи хотелось бы понять, насколько современной системе управления образованием как социальным институтом в России свойственна такая же безапелляционность в принятии западных стандартов или в рамках интеграционного процесса мы все-таки начинаем двигаться в сторону установления приоритета национальных задач.

Постановка проблемы. Какова роль современного влияния интеграционных процессов в евразийском социокультурном пространстве на процесс трансформации российского образования как социального института?

Методология. Обращаясь к проблеме влияния интеграционных процессов на трансформацию образования как социального института, мы опираемся на концепцию баланса сил и ее различные интерпретации (Е. В. Хаас [9], М. Kaplan [10], Н. J. Morgenthau [11], K. Waltz [12], D. Zinnes [13], Д. А. Дегтярев, А. В. Худайкулова [14]); концепцию «мягкой силы» («*soft power*», J. S. Nye [15]), описывающую воздействие посредством убеждения, влияния, культурных норм и такой ее разновидности, как «информационная сила» (J. S. Nye, W. A. Owens [16]); концепцию «умной силы» («*smart power*» R. L. Armitage, S. J. Nye⁴, T. Carpenter [17], E. J. Wilson [18]),

⁴ Armitage R. L., Nye S. J. (Jr.). A Smarter, More Secure America CSIS Commission on Smart Power [Электронный ресурс]. Washington D.C.: CSIS Press, 2007. URL: https://csisprod.s3.amazonaws.com/s3fspublic/legacy_files/files/media/csis/pubs/071106_csissmartpowerreport.pdf (дата обращения: 02.01.2022).

представляющую комплексное воздействие баланса «жесткой» и «мягкой» сил в условиях невозможности их разграничения. Современные подходы к изучению «мягкой силы» и особенности использования ее коммуникативного потенциала в условиях развития новых технологий широко представлены в работах отечественных и зарубежных исследователей (О. Г. Леонова [19], А. О. Наумов [20], Е. П. Панова [21], П. Б. Паршин [22], О. Ф. Русакова, Е. Г. Грибовод [23], М. В. Харкевич [24], G. Gallarotti [25], T. Hall [26], G. G. Holyk [27], J. Melissen [28] и др.)

Несмотря на позитивный подтекст декларируемых реформ в сфере образования в рамках интеграционных процессов, мы полагаем, что на современном этапе изучения международного контекста очевидно восприятие социальных институтов, в том числе институтов науки и образования как составляющих достаточно сложной комбинации, обеспечивающей доминирование одних стран над другими. Так, S. Djerasic и M. Villani отмечают, что академический контекст международного сотрудничества и научного обмена с 1990-х гг. в результате Болонского процесса превратился в формализованный аспект национальной и транснациональной (европейской) политики, способствовавшей созданию Европейского пространства высшего образования и стандартизации качества в Европейском исследовательском пространстве (ERA), поддерживавшийся идеей обеспечения глобальной и внутренней конкуренции «Европы знаний» [29]. В этом контексте сохранение баланса сил, а также использование Россией стратегии «мягкой силы» требует не только правильной расстановки приоритетов, но и продуманной международной политики взаимодействия, в которой необходимо учитывать влияние идеи создания единого евразийского образовательного пространства.

Обсуждение. Отметим, что акценты, расставляемые российскими и зарубежными исследователями в отношении одного и того же процесса, отличаются, что приводит к употреблению терминов «интернационализация» (более характерный для западноевропейских ученых) и «интеграция» (чаще употребляемый в странах постсоветского пространства). Специфика использования связана с тем, что западные исследователи делают акцент на самом процессе трансформации и в основном высшего образования, а ученые постсоветского пространства, более широко анализируя контекст происходящих изменений, учитывают появление наднациональных задач по вхождению систем образования в международный контекст. Так, в работе Дж. Найта и Ф. Альтбаха интернационализация представлена как внедрение международного измерения на всех уровнях высшего образования: в преподавание, исследование, оказание услуг (см.: [30]).

Так же как существуют различные акценты в освещении одного и того же процесса, можно отметить и формирование разнонаправленных тенденций при создании единого образовательного пространства. С одной

стороны, на усложнение модели взаимодействия стран влияют потребности формирования конкурентного образа с учетом критериев, применяемых межстрановыми сравнительными исследованиями, ведущими свое начало с 50-х гг. XX в., когда интеграция сопровождалась развитием международных программ помощи странам «третьего мира» (борьба с неграмотностью, помощь сельскому хозяйству, подготовка новых кадров). Несмотря на расширение географии разработчиков современных межстрановых исследований, тем не менее приоритетное использование определенных критериев, ориентированных на оценку эффективности государственного управления в согласии с американской и европейской системой ценностей, оказывает существенное влияние на формируемые странами стратегии во внешней и внутренней политике, в том числе в рамках научно-образовательного сотрудничества (Г. А. Бувевич и Е. А. Полякова [31], Д. В. Винницкий и Д. А. Курочкин [32], В. В. Комлева [33], В. М. Фатыхова [34] и др.).

С другой стороны, двадцатилетний опыт стран участия в Болонской системе образования уже позволяет оценить все преимущества и недостатки подписания этого договора, а также дальнейшую целесообразность его исполнения в евразийском образовательном пространстве. Поскольку, несмотря на однозначную положительную риторику о преимуществах, которые несет Болонская декларация, не все страны смогли адаптироваться к ее реформам. Так, США, которые в рамках сравнительных исследований провозгласили себя «лидером глобальных институциональных тенденций, устанавливающих новые мировые стандарты качества образования и академического успеха»⁵, не смогли подстроиться под болонские стандарты для конвергенции двух образовательных систем, отказавшись от кредитного подхода, который им показался очень примитивным [35, с. 265]. Университеты, занимающие первые места в международных рейтингах: Оксфорд, Сорбонна, Лейденский университет и др. – в Болонский процесс не включены. Эти факты не могут не настораживать, создавая не очень приятную картинку, где страны, чьи университеты занимают лидерские позиции, остаются вне интеграционных процессов, а другие, имевшие в том числе и очень качественное образование в XX в., включившись в процесс интеграции, фактически спустились с уровня элитарного образования и стали производителями массового.

Вторым не менее драматичным исходом для внутренней политики стран и их рынка труда стала проблема сохранения человеческого капитала. Миграционные потоки, представленные в основном людьми трудоспо-

⁵ *Стариков В. С.* Сравнительный анализ трансформации систем высшего образования в Беларуси, России, Украине и странах Балтии: дис. ... канд. социол. наук. СПб.: СПбГУ, 2016. С. 27.

собного возраста, двинувшиеся с Востока на Запад, серьезно повлияли на экономику стран, на их возможность к инновационному развитию, обеспечивая население на местах за счет увеличения числа людей пенсионного возраста. В результате чего страны-доноры оказались вынуждены развивать «образовательные» проекты с третьими странами, соглашаясь на приезд менее квалифицированной и не всегда склонной к социокультурной адаптации молодежи. С другой стороны, переизбыток молодежи с высшим образованием в странах-донаторах – родоначальников Болонского процесса – привел к высокому уровню безработицы (по состоянию на 2014 г. в статусе «безработный/ая» пребывали 22 % молодежи ЕС в возрасте до 25 лет⁶, на 2021 г. в Греции – 33,2 %, в Испании – 30,3 %, Италии – 28,2 %, Швеции – 24,5 %, Бельгии – 20 %, Франции – 18,6 %⁷ и т. д.), что демонстрирует недостаток этой программы в учете специфики не только локального, но и глобального рынка труда.

Еще одним, возможно, не таким явным, но от этого не менее значимым фактом реализации Болонской декларации стала финансовая нагрузка осуществляемых реформ на страны. Так, по расчетам экспертов со стороны Европейской ассоциации университетов (EUA) «финансирование «болонских реформ» в переходный период требует до 60 % бюджета национальных министерств образования и, соответственно, вузов» [35, с. 265]. Попытка удержаться в рамках выбранной стратегии по реализации реформ фактически отвлекает систему управления образованием, в том числе российскую высшую школу от критического анализа получаемых преимуществ и возможного пересмотра национальных задач в сфере образования для реального повышения его качества.

Критически оценивая изменения, произошедшие с российской системой образования, нельзя не признать, что возвращение к советской модели, как и выход из интеграционных процессов на этом этапе скорее уже невозможны. Достаточно вспомнить, что первым интеграционным соглашением стала отнюдь не Болонская декларация, а подписанный еще в 1992 г. договор о многостороннем образовательном сотрудничестве, представленный прежде всего Евразийской ассоциацией университетов, включающей 139 вузов Азербайджана, Армении, Беларуси, Грузии, Казахстана, Кыргызстана, Латвии, Молдовы, России, Таджикистана, Туркменистана, Узбекистана, Украины [36, с. 146]. В задачи ассоциации входила реорганизация фрагментов постсоветского образовательного пространства в единое

⁶ Евростат. Уровень безработицы по возрасту и полу, ежегодные показатели [Электронный ресурс]. URL: <http://appsso.eurostat.ec.europa.eu/nui/submitViewTableAction.do> (дата обращения: 07.01.2022).

⁷ Молодежная безработица [Электронный ресурс]. URL: <https://ru.tradingeconomics.com/country-list/youth-unemployment-rate?continent=europe> (дата обращения: 07.01.2022).

целое и в том числе активизация взаимоотношений между евразийскими университетами [37].

Второй момент, который также следует отметить, что, несмотря на общность реформаторской политики стран, создающих единое образовательное пространство, ими демонстрируется слабая согласованность глобальных норм и форм их реализации в локальном контексте [38]. Исследования взаимосвязи «глобального и локального» подчеркивают рост уровня взаимосвязи и взаимозависимости в рамках интеграционных процессов, осуществляющихся на фоне сохранения культурно-специфических процессов адаптации и переопределения глобальных процессов.

Как отмечает В. С. Стариков на примере сопоставления трансформации университетов в Беларуси, России, Украине и странах Балтии, их функционирование обусловлено «не только национальными политическими, социальными и экономическими структурами, но также унаследованными из прошлого специфическими культурными чертами, которые определяют механизмы реагирования на текущие изменения и вызовы»⁸.

Возможно, что попытки сохранения культурной специфики, в том числе в формирующейся новой модели системы образования, странами постсоветского пространства связаны не столько с недопониманием и недостаточным финансированием, сколько с осознанной потребностью защиты независимости. Так, А. В. Сидорович отмечает: «Евразийский союз как особое региональное интеграционное объединение создавался и развивается на качественно новой по сравнению с другими региональными объединениями основе – в условиях продолжающегося процесса становления новых государств, большинство которых переходят к стадии осознания не только своих ценностей, но и ответственности за свою независимость» [37, с. 84].

В рамках евразийской интеграции на данный момент мы можем наблюдать два разнонаправленных вектора развития тенденций [39]. С одной стороны, сохранение суверенитета современными государствами напрямую связано с формированием национальных систем образования, а с другой – происходящая унификация требований к организации и оценке качества образования в рамках подписанной некоторыми странами Болонской декларации требует постоянной корректировки с учетом реальной ситуации, в том числе евразийского объединения. Так, R. Lumino и P. Landri, анализируя происходящие изменения в рамках образовательного процесса под влиянием требований Болонской декларации, пишут о том, что постоянный пересмотр существующих достижений является основой для

⁸ Стариков В. С. Сравнительный анализ трансформации систем высшего образования в Беларуси, России, Украине и странах Балтии: дис. ... канд. социол. наук. СПб.: СПбГУ, 2016. С. 55.

формирования будущих: «В этом сценарии оценка стандартов и основных целей становится политическим инструментом для синхронизации результатов деятельности стран, помещая их во временную структуру, которая кодирует ориентированные на будущее диспозиции. ...Более того, временная политика стандартов меняет восприятие прошлого, настоящего и особенно будущего» [40, р. 655].

Учитывая частное и общее в реформах систем образования стран на постсоветском пространстве, нельзя не отметить один общий положительный для всех момент: стремление к выстраиванию диалога. И несмотря на различные оценки международной политики России на постсоветском пространстве, важным фактором ее успешности, а также перспектив интеграционных проектов на территории СНГ является обоюдное стремление стран к выстраиванию коммуникаций, в том числе с использованием интеграционного потенциала сферы образования и науки, что является одним из сильных аргументов консолидированного проявления «мягкой силы». J. S. Нye, развивая концепцию «мягкой силы», отмечал, что сфера образования является одним из ресурсов публичной дипломатии [41]. Эту же идею поддерживают и российские исследователи высшего образования [42–44].

Кроме этого, нельзя не учитывать и стремление стран, не входивших в постсоветское пространство, закрепить свою активную позицию в построении единого образовательного пространства и в том числе использовать мобильность студентов как одну из составляющих «мягкой силы». К примеру, сотрудничество России и Китая, развивающееся в различных направлениях, также включает реализацию научно-образовательных проектов. Заключение договоров в рамках различных международных организаций, в том числе таких как ШОС, благоприятно влияют на формирование дружественной и доверительной атмосферы между государствами.

Заключение. Таким образом, образование как социальный институт в России уже около тридцати лет находится в процессе постоянных институциональных изменений, что обуславливает, с одной стороны, пересмотр старых политических и культурных оснований, с другой – формирование новых. В совокупности этот противоречивый процесс, отражающийся в обнаружении конфликтов между старым и новым, усиливающий напряженность между компонентами системы и ее акторами, в то же время предполагает нахождение новых оснований для гармонизации и адаптации российского образования к международным интеграционным вызовам. В данном контексте весьма актуально не только встроиться в эти процессы, но и сохранить свою культурно-историческую специфику, а возможно, и возродить, но уже на новых основаниях качество российского образования, ставшее примером для подражания США в XX в. Также одним из важнейших моментов, обуславливающих сохранение образованием роли инструмента «мягкой силы», является использование его как основы для

диалога между странами, позволяющего снизить уровень конфликтности, сохранить и восполнить человеческий потенциал, а также найти новые основания для взаимодействия.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. **Teichler U.** Bologna and Student Mobility: A Fuzzy Relationship // The European Journal of Social Science Research. 2019. Vol. 32, № 4. P. 1–21. DOI: 10.1080/13511610.2019.1597685
2. **Wit H.** Internationalization of Higher Education, Challenges and Opportunities for the Next Decade // European Higher Education Area: Challenges for a New Decade / ed. by A. Curaj et al. Springer. 2020. P. 3–11. DOI: 10.1007/978-3-030-56316-5_1
3. **Оганесян А. А.** Новые формы университетского сотрудничества: международные университетские сети // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика. 2017. Т. 25, № 3. С. 354–366. DOI: 10.22363/2313-2329-2017-25-3-354-366; URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=32352217>
4. **Посталюк Н. Ю.** Интеграционные процессы в российской системе профессионального образования // Интеграция образования. 2014. Т. 18, № 4. С. 6–10. DOI: 10.15507/Inted.077.018.201404.006; URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=22748959>
5. **Wilson D. N.** Comparative and International Education: Fraternal or Siamese Twins: A Preliminary Genealogy of our Twin Fields // Comparative Education Review. 1994. Vol. 38, № 4 (November). P. 449–486.
6. **Noah H. J., Eckstein M. A.** Toward a Science of Comparative Education // British Journal of Educational Studies. 1969. Vol. 17, № 3. P. 334–334. DOI: 10.2307/3119655
7. **Silova I. (ed.)** Globalization on the margins: Education and post-socialist transformations in Central Asia. Charlotte, NC: Information Age Publishing. 2011. 384 p.
8. **Outhwaite W., Ray L.** Social theory and postcommunism. Malden, MA: Blackwell, 2005. P. viii+256.
9. **Haas E. B.** When Knowledge is Power: Three Models of Change in International Organizations. Berkeley: University Calif. Press, 1990. P. xii + 266.
10. **Kaplan M.** Balance of Power, Bipolarity and Other Models of International Systems // The American Political Science Review. 1957. Vol. 51, Issue 3, September. P. 684–695. DOI: <https://doi.org/10.2307/1951855>
11. **Morgenthau H. J.** Politics Among Nations. The Struggle for Power and Peace. N. Y.: Knopf, Cop., 1978. XXVIII, 650 p.
12. **Waltz K.** International Structure, National Force, and the Balance of World Power // Journal of International Affairs. 1967. Vol. 21, № 2. P. 215–231.
13. **Zinnes D.** An Analytical Study of the Balance of Power Theories // Journal of Peace Research. 1967. Vol. 4, № 3. P. 270–288. DOI: 10.1177/002234336700400304
14. **Дегтярев Д. А., Худайкулова А. В.** Баланс сил в международно-политической науке: теоретические концепции и прикладной анализ // Национальная безопасность / Nota bene. 2018. № 1. С. 1–12. DOI: 10.7256/2454-0668.2018.1.25193; URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=32574970>
15. **Nye J. S.** Public Diplomacy and Soft Power [Electronic resource] / The annals of the American Academy of Political and Social Science. 2008. № 616. P. 94–109.
16. **Nye J. S. (Jr.), Owens W. A.** America's Information Edge // Foreign Affairs. 1996. № 2. P. 21–22.
17. **Carpenter T.** Smart Power: Toward a Prudent Foreign Policy for America. Washington: Cato Institute, 2008. 258 p.
18. **Wilson E. J.** Hard Power, Soft Power, Smart Power // The ANNALS of the American Academy of Political and Social Science. 2008. Vol. 616, Issue 1. P. 110–124. DOI: 10.1177/0002716207312618
19. **Леонова О. Г.** Динамика рейтинга «мягкой силы» России // Век глобализации. 2020. № 2 (34). С. 104–118. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=43784333>

20. **Наумов А. О.** От Советского Союза к Российской Федерации: эволюция отечественной системы «мягкой силы» и публичной дипломатии // Вестник Московского университета. Серия 21: Управление (государство и общество). 2019. № 2. С. 102–117. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=38162540>
21. **Панова Е. П.** «Мягкая власть» как способ воздействия в мировой политике: автореф. дис. ... канд. полит. наук. М., 2012. 22 с.
22. **Паршин П. Б.** Мягкая сила в лабиринте дискуссий: монография. М.: МГИМО-Университет, 2020. 285 с.
23. **Русакова О. Ф., Грибовод Е. Г.** Информационно-коммуникативные компоненты «мягкой силы» // Международные процессы. 2019. Т. 17, № 1 (56). С. 62–72. DOI: 10.17994/IT.2019.17.1.56.4; URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=41138827>
24. **Харкевич М. В.** «Мягкая сила»: политическое использование научной концепции // Вестник МГИМО Университета. 2014. № 2 (35). С. 22–29. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=21472431>
25. **Gallarotti G.** Soft Power: What it is, Why It's Important, and the Conditions Under Which it Can Be Effectively Used // Journal of Political Power. 2011. Vol. 4, Issue 1. P. 25–47.
26. **Hall T.** An Unclear Attraction: A Critical Examination of Soft Power as an Analytical Category // The Chinese Journal of International Politics. 2010. № 3. P. 189–211. DOI: 10.1093/cjip/poq005
27. **Holyk G. G.** Paper Tiger? Chinese Soft power in East Asia // Political Science Quarterly. 2011. Vol. 126. № 2. P. 223–254. DOI: 10.1002/j.1538-165X.2011.tb00700.x
28. **Melissen J.** The New Public Diplomacy. Soft Power in International Relations / ed. by Jan Melissen. N. Y.: Palgrave Macmillan, 2005. 221 p.
29. **Djerasimovic S., Villani M.** Constructing academic identity in the European higher education space: Experiences of early career educational researchers // European Educational Research Journal. 2020. № 19 (3). P. 247–268. DOI: 10.1177/1474904119867186
30. **Knight J.** Trade in higher education services: the implications of GATS. London: Observatory on Borderless Higher Education, 2002. 28 p.
31. **Бувевич Г. А., Полякова Е. А.** Развитие межкультурных коммуникаций в области культуры и образования в рамках содружества азиатских учреждений образования в сфере культуры как фактор социальной интеграции евразийского региона // Культура в евразийском пространстве: традиции и новации. 2018. № 1 (2). С. 45–48. DOI: 10.32340/2541-772X-2018-1-45-48; URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=36400584>
32. **Винницкий Д. В., Курочкин Д. А.** Современные способы устранения барьеров и ограничений в сфере функционирования единого рынка услуг в области проведения научно-исследовательских работ в государствах-членах ЕАЭС // Бизнес, менеджмент и право. 2020. № 4 (48). С. 45–50. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=44881544>
33. **Комлева В. В.** Характеристики и перспективы развития общего образовательного пространства СНГ // Среднерусский вестник общественных наук. 2016. Т. 11, № 6. С. 72–82. DOI: 10.12737/23973; URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=28201809>
34. **Фатыхова В. М.** Евразийское сотрудничество в области науки и высшего образования: перспективы неофункционального «перетекания» // Вестник МГИМО Университета. 2019. № 2 (65). С. 159–175. DOI: 10.24833/2071-8160-2019-2-65-159-175; URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=37610562>
35. **Искаков И. Ж., Ланина Е. Е., Кучеренко В. Я., Алексеев Г. В., Егорова Г. Н.** Возможности экономической корректировки образовательного процесса в странах ЕвразЭС // Вестник Воронежского государственного университета инженерных технологий. 2020. Т. 82, № 4. С. 263–271. DOI: 10.20914/2310-1202-2020-4-263-271; URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=44880852>
36. **Ватыль В. Н.** Высшее образование как инновационный ресурс в развитии евразийской интеграции (из опыта ЕАЭС) // Веснік Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя

- Янки Купалы. Серыя 1. Гісторыя і археалогія. Філасофія. Паліталогія. 2019. Т. 11, № 3. С. 145–151.
37. **Сидорович А. В.** Евразийская интеграция: новая роль университетов // Диалог: Политика – Право – Экономика. 2018. № 1. С. 83–91. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=32741572>
 38. **Андрienko Е. В.** Влияние мировых трендов на реализацию стратегических проектов развития российского образования // Философия образования. 2020. Т. 20, № 2. С. 64–79. DOI: 10.15372/PHE20200205; URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=43091656>
 39. **Абрамова М. А.** Евразийское образовательное пространство: идея и реализация // Философия образования. 2021. Т. 21, № 4. С. 127–142. DOI: 10.15372/PHE20210405; URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=47359823>
 40. **Lumino R., Landri P.** Network time for the European Higher Education Area Educational Philosophy and Theory. 2020. Vol. 52. Issue 6: Time and educational (re)forms. P. 653–663. DOI: 10.1080/00131857.2019.1708328
 41. **Нye J. S.** Public Diplomacy and Soft Power // The annals of the American Academy of Political and Social Science. 2008. Vol. 616. P. 94–109. DOI: 10.1177/0002716207311699
 42. **Торкунов А. В.** Образование как инструмент «мягкой силы» во внешней политике России // Вестник МГИМО Университета. 2012. № 4. С. 85–93. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=18941029>
 43. **Панова Е. П.** Высшее образование как потенциал «мягкой власти» государства // Вестник МГИМО Университета. 2011. № 2 (15). С. 157–161. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=16349153>
 44. **Лебедева М. М.** Международно-политические процессы интеграции образования // Интеграция образования. 2017. Т. 21, № 3 (88). С. 385–394. DOI: 10.15507/1991-9468.088.021.201703.385-394; URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=30031188>

REFERENCES

1. Teichler U. Bologna and Student Mobility: A Fuzzy Relationship. *The European Journal of Social Science Research*, 2019, vol. 32, Issue 4, pp. 1–21. DOI: 10.1080/13511610.2019.1597685
2. Wit H. Internationalization of Higher Education, Challenges and Opportunities for the Next Decade. *European Higher Education Area: Challenges for a New Decade*. Ed. by A. Curaj et al. Springer, 2020, pp. 3–11. DOI: 10.1007/978-3-030-56316-5_1
3. Oganesyanyan A. A. New forms of university cooperation: international university networks. *Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Economics*, 2017, vol. 25, no. 3, pp. 354–366 DOI: 10.22363/2313-2329-2017-25-3-354-366; URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=32352217> (In Russian)
4. Postalyuk N. Y. Integration processes in the Russian system of vocational education. *Integration of education*, 2014, vol. 18, no. 4, pp. 6–10. DOI: 10.15507/Inted.077.018.201404.006; URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=22748959> (In Russian)
5. Wilson D. N. Comparative and International Education: Fraternal or Siamese Twins: A Preliminary Genealogy of our Twin Fields. *Comparative Education Review*, 1994, vol. 38, no. 4 (November), pp. 449–486.
6. Noah H. J., Eckstein M. A. Toward a Science of Comparative Education. *British Journal of Educational Studies*, 1969, vol. 17, no. 3, pp. 334–334. DOI: 10.2307/3119655
7. Silova I. (ed.) *Globalization on the margins: Education and post-socialist transformations in Central Asia*. Charlotte, NC: Information Age Publishing Publ., 2011, 384 p.
8. Outhwaite W., Ray L. *Social theory and postcommunism*. Malden, MA: Blackwell Publ., 2005, pp. viii+256
9. Haas E. B. *When Knowledge is Power: Three Models of Change in International Organizations*. Berkeley: University Calif. Press Publ., 1990, pp. xii + 266.

10. Kaplan M. Balance of Power, Bipolarity and Other Models of International Systems. *The American Political Science Review*, 1957, vol. 51, Issue 3, September, pp. 684–695. DOI: <https://doi.org/10.2307/1951855>
11. Morgenthau H. J. *Politics Among Nations. The Struggle for Power and Peace*. New York: Knopf, Cop. Publ., 1978, XXVIII, 650 p.
12. Waltz K. International Structure, National Force, and the Balance of World Power. *Journal of International Affairs*, 1967, no. 21 (02), pp. 215–231.
13. Zinnes D. An Analytical Study of the Balance of Power Theories. *Journal of Peace Research*, 1967, no. 4 (03), pp. 270–288. DOI:10.1177/002234336700400304
14. Degtyarev D. A., Khudaikulova A. V. Balance of forces in international political science: theoretical concepts and applied analysis. *National security. Nota bene*, 2018, no. 1, pp. 1–12. DOI: 10.7256/2454-0668.2018.1.25193; URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=32574970> (In Russian)
15. Nye J. S. Public Diplomacy and Soft Power. *The annals of the American Academy of Political and Social Science*, 2008, vol. 616, pp. 94–109.
16. Nye J. S. (Jr.), Owens W. A. America's Information Edge. *Foreign Affairs*, 1996, no. 2, pp. 21–22.
17. Carpenter T. *Smart Power: Toward a Prudent Foreign Policy for America*. Washington: Cato Institute Publ., 2008, 258 p.
18. Wilson E. J. Hard Power, Soft Power, Smart Power. *The ANNALS of the American Academy of Political and Social Science*, 2008, vol. 616, Issue 1, pp. 110–124. DOI: 10.1177/0002716207312618
19. Leonova O. G. Dynamics of the rating of “soft power” of Russia. *The Age of Globalization*, 2020, no. 2 (34), pp. 104–118. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=43784333> (In Russian)
20. Naumov A. O. From the Soviet Union to the Russian Federation: the evolution of the domestic system of “soft power” and public diplomacy. *Bulletin of the Moscow University. Series 21: Governance (State and Society)*, 2019, no. 2, pp. 102–117. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=38162540> (In Russian)
21. Panova E. P. “Soft power” as a method of influence in world politics: author's abstract of diss. ... Candidate of Political Sciences. Moscow, 2012, 22 p. (In Russian)
22. Parshin P. B. *Soft power in the labyrinth of discussions*. Moscow, 2020, 285 p. (In Russian)
23. Rusakova O. F., Gribovod E. G. Information and communication components of “soft power”. *International Processes*, 2019, vol. 17, no. 1 (56), pp. 62–72. DOI: 10.17994/IT.2019.17.1.56.4; URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=41138827> (In Russian)
24. Harkevich M. V. “Soft power”: the political use of a scientific concept. *Bulletin of MGIMO University*, 2014, no. 2 (35), pp. 22–29. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=21472431> (In Russian)
25. Gallarotti G. Soft Power: What it is, Why It's Important, and the Conditions Under Which it Can Be Effectively Used. *Journal of Political Power*, 2011, vol. 4, Issue 1, pp. 25–47.
26. Hall T. An Unclear Attraction: A Critical Examination of Soft Power as an Analytical Category. *The Chinese Journal of International Politics*, 2010, no. 3, pp. 189–211. DOI: 10.1093/cjip/poq005
27. Holyk G. G. Paper Tiger? Chinese Soft power in East Asia. *Political Science Quarterly*, 2011, vol. 126, no. 2, pp. 223–254. DOI: 10.1002/j.1538-165X.2011.tb00700.x
28. Melissen J. *The New Public Diplomacy. Soft Power in International Relations*. Ed. by Jan Melissen. New York: Palgrave Macmillan Publ., 2005, 221 p.
29. Djerasimovic S., Villani M. Constructing academic identity in the European higher education space: Experiences of early career educational researchers. *European Educational Research Journal*, 2020, no. 19(3), pp. 247–268. DOI: <https://doi.org/10.1177/1474904119867186>
30. Knight J. *Trade in higher education services: the implications of GATS*. London: Observatory on Borderless Higher Education, 2002, 28 p.
31. Buevich G. A., Polyakova E. A. Development of intercultural communications in the field of culture and education within the framework of the Commonwealth of Asian educational institutions in the field of culture as a factor of social integration of the Eurasian region. *Culture in the*

- Eurasian Space: Traditions and Innovations*, 2018, no. 1 (2), pp. 45–48. DOI: 10.32340/2541-772X-2018-1-45-48; URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=36400584> (In Russian)
32. Vinnitskiy D. V., Kurochkin D. A. Modern ways of eliminating barriers and restrictions in the sphere of functioning of the single market of services in the field of scientific research in the EAEU member states. *Business, Management and Law*, 2020, no. 4 (48), pp. 45–50. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=44881544> (In Russian)
33. Komleva V. V. Characteristics and prospects of development of the common educational space of the CIS. *Central Russian Bulletin of Social Sciences*, 2016, vol. 11, no. 6, pp. 72–82. DOI: 10.12737/23973; URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=28201809> (In Russian)
34. Fatyhova V. M. Eurasian cooperation in the field of science and higher education: prospects of non-functional “overflow”. *Bulletin of MGIMO University*, 2019, no. 2 (65), pp. 159–175. DOI: 10.24833/2071-8160-2019-2-65-159-175; URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=37610562> (In Russian)
35. Iskakov I. J., Lanina E. E., Kucherenko V. Ya, Alekseev G. V., Egorova, G.N. Possibilities for economic adjustments educational process in the EurAsEC countries. *Bulletin of the Voronezh State University of Engineering Technologies*, 2020, vol. 82, no. 4, pp. 263–271. DOI:10.20914/2310-1202-2020-4-263-271; URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=44880852> (In Russian)
36. Vatyl V. N. Higher education as an innovative resource in the development of Eurasian integration (from the experience of the EAEU). *Bulletin of the Grodno Sovereign University Named After Yanka Kupala. Series 1. History and archeology. Philosophy. Political science*, 2019, vol. 11, no. 3, pp. 145–151. (In Russian)
37. Sidorovich A. V. Eurasian integration: the new role of universities. *Dialog: Politics-Law-Economics*, 2018, no. 1, pp. 83–91. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=32741572> (In Russian)
38. Andrienko E. V. The influence of global trends on the implementation of strategic projects for the development of Russian education. *Philosophy of Education*, 2020, vol. 20, no. 2, pp. 64–79. DOI: 10.15372/PHE20200205; URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=43091656> (In Russian)
39. Abramova M. A. Eurasian educational space: idea and implementation. *Philosophy of Education*, 2021, vol. 21, no. 4, pp. 127–142. DOI: 10.15372/PHE20210405; URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=47359823> (In Russian)
40. Lumino R., Landri P. Network time for the European Higher Education Area. *Educational Philosophy and Theory*, 2020, vol. 52, Issue 6: Time and educational (re)forms, pp. 653–663. DOI: 10.1080/00131857.2019.1708328
41. Nye J. S. Public Diplomacy and Soft Power. *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*, 2008, vol. 616, pp. 94–109. DOI: 10.1177/0002716207311699
42. Torkunov A. V. Education as a tool of “soft power” in Russia’s foreign policy. *Bulletin of MGIMO University*, 2012, no. 4, pp. 85–93. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=18941029> (In Russian)
43. Panova E. P. Higher education as the potential of the “soft power” of the state. *Bulletin of MGIMO University*, 2011, no. 2 (15), pp. 157–161. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=16349153> (In Russian)
44. Lebedeva M. M. International political processes of integration of education. *Integration of Education*, 2017, vol. 21, no. 3, pp. 385–394. DOI: 10.15507/1991-9468.088.021.201703.385-394; URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=30031188> (In Russian)

Информация об авторе

М. А. Абрамова, доктор педагогических наук, профессор, ведущий научный сотрудник, зав. отделом социальных и правовых исследований, Институт философии и права Сибирского отделения Российской академии наук (630090, Новосибирск, ул. Николаева, 8).

Information about the author

Mariya A. Abramova, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Leading Researcher, Head of the Department of Social and Legal Research of the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences (630090, Novosibirsk, Nikolaeva str., 8).

Поступила: 11.01.2022

Received: 11 January, 2022

Одобрена после рецензирования: 29.01.2022

Approved after review: 29 January, 2022

Принята к публикации: 14.02.2022

Accepted for publication: February 12, 2022